

Эйке Шнайдер

16+

ОХОТНИК

Эйке Шнайдер
ОХОТНИК
Серия «Чистильщики», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66472728

SelfPub; 2022

Аннотация

Гуннар – охотник на магов, однако драться с неведомыми тварями ему еще не приходилось. Чудом уцелел. Но если бы знал, какой ценой – лучше б сдох, честное слово.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Эйке Шнайдер

Охотник

Глава 1.

Леса, кишевшие разбойниками, остались позади, караван стоял на берегу реки в одном переходе от Белокамня. Ночь обещала быть спокойной, но вылезать из доспехов Гуннару не хотелось. Слишком уж легким оказался поход, не иначе судьба приберегла какую-то гадость напоследок.

Он не ошибся.

Охранники сидели вокруг костра. Огонь разожгла Вигдис, просто уронив с ладони язычок пламени. Ингрид сделала что-то, «сплела», как говорили одаренные, и котелок сам наполнился водой. Эрик побросал туда трав, что набрал тут же, в паре шагов от костра – кому, как не целителю, разбираться в травах? Гуннар в который раз подумал, что когда рядом одаренные, воинам, вроде него, особо и делать нечего. Разве что сходить с еще одним котелком к кашевару – вон, Фридмунд как раз принес густо пахнущее мясом варево, да посуду помыть – в этот раз была очередь Зигфрида. Тоже невелика работа, если те же одаренные воду и добудут, и нагреют.

Земля разверзлась аккуратно, когда они собрались ужинать. Фридмунд поставил котелок рядом с огнем, потянулся за

миской – и провалился вместе с костром. Огонь погас, а из земли, подобно ключу, хлынул поток – только вместо воды были капли дымчатого стекла.

Нечеловеческий крик Фридмунда заставил всех остальных вскочить. Стекланные капли облепили его так, что тела не разглядеть.

– В стороны, быстро! – рявкнул Эрик. С его рук слетело ярко-желтое пламя – гораздо светлее и ярче, чем обычно выплетали одаренные. От запаха горелой плоти подкатило к горлу. Крик стих – то ли сам по себе, то ли кто-то милосердно остановил сердце Фридмунда.

За спиной загомонили. Гуннар оглянулся.

– Хватайте добро и прочь отсюда! – скомандовал он.

Он никогда не видел ничего подобного, а значит, купцу с подручными и вовсе здесь нечего делать.

– Тусветных тварей не остановить, – бросил Эрик. – Гуннар, дай меч Ингрид. Вигдис, Зигфрид, уводите людей. Гуннар, ты с ними.

Гуннар мотнул головой, опуская ладонь на рукоять.

– У нее свой есть.

– Нужно небесное железо, – сказала Ингрид

– Если это можно рубить, – хотя как рубить поток стекланных капель? – справлюсь сам.

По хребту пробежал холодок: легенды про тусветных тварей ходили одна страшней другой. Говорили, что они способны сожрать человека за несколько ударов сердца. Впро-

чем, разве не это как раз сейчас и происходило?

Твари стекли с тела Фридмунда, оставив чистый костяк и изъеденные остатки доспеха. Скатились обратно. На дне воронки вздулся горб высотой с человека. Отрастил что-то похожее на хлысты. Гуннар отмахнулся мечом от летевшего в него отростка. Отсеченный, он снова рассыпаясь на капли. Ингрид накрыла их огнем еще до того, как те коснулись земли. Похоже, она знала, что делает. Откуда бы?

Вигдис, глядя на них, тоже швырнула пламя, но оно угасло, едва коснувшись твари, только искры полетели.

– Вигдис, Зигфрид, уводите людей, – рыкнул Эрик.

Зигфрид ответить не успел. Еще один хлыст метнулся к нему, точно атакующая змея. Взлетел меч. Но узорчатое лезвие дорогого клинка переломилось, точно гнилушка. Тварь захлестнула шею, Зигфрид захрипел, попытался оторвать хлыст от горла. Тщетно, плоть разъело до костей, а в следующий миг голова отделилась от тела.

Гуннар сморгнул разноцветные пятна перед глазами и едва не заорал в голос, увидев, как два щупальца летят к Вигдис, как она уворачивается от одного, выпрямляясь навстречу другому. Все, что он успел – рыбкой сигануть над землей, отшвыривая девушку. Невысокой и щуплой, немного ей надо было, чтобы отлететь. Гуннар не успел сгруппироваться и ударился грудью о камень. Дыханье на миг вышибло. И ровно этого мига не хватило, чтобы откатиться и вскочить. Тварь хлестнула поперек живота, скользнула по пояс-

нице, потянув к себе.

Гуннар думал, что болью его давно не напугать. Он ошибался. Казалось, в кровь влился жидкий огонь. С каждым ударом сердца он растекался по телу, выжигая все на пути, от нутра до кончиков пальцев. Где-то на краю сознания закричала Вигдис. Меркнувшим взором он увидел, как Ингрид подхватывает выпавший из его рук меч. Взлетел и опустился клинок, прогудело пламя – если и обожгло, Гуннар не заметил. Совершенно не к месту подумал, что ни один одаренный по доброй воле не возьмет в руки небесное железо – а Ингрид хоть бы что.

Кто-то, отчаянно ругаясь, потащил его прочь, ухватив за подмышки. Тень заслонила солнце.

– Где? – рявкнул Эрик.

Где – что? Впрочем, даже если бы Гуннар понял, чего от него хотят, ответить не смог бы. Эрик, кажется, ответа и не ждал, быстро ощупал запястья, потянулся к шее.

Снова выругался. Разорвал цепочку на шее Гуннара – тот отрешенно отметил, что и Эрик взялся за небесное железо, даже не поморщившись.

– Вигдис, некогда глазеть, все ляжем! – крикнула Ингрид. – Жги, а то снова сползутся! Желтым!

– Не успе...

Гуннар дернулся в ту сторону, разум на миг померк. Потом сквозь звон в ушах пробила отчаянная ругань Вигдис. Жива.

– Я рублю, ты жжешь отрубленное. Что успеваешь.

Прогудело пламя. Гуннар вроде снова потерял сознание, а когда очнулся, боль из всего тела стеклась в нутро и поясницу, из жидкого огня превратившись в обычную, земную. Гуннар потянулся к животу, вместо одежды и тела обнаружив что-то горячее, мокрое и шевелящееся.

– Куда грязными лапами в кишки! – рыкнул Эрик.

Гуннар сперва отдернул руки, а смысл слов понял чуть погодя.

Лицо Эрика снова стало отстраненно-сосредоточенным, словно не ржали вокруг лошади, не кричали люди, не ругалась непотребными словами Вигдис, призывая «бестолковых дуболомов» решить, наконец, что им дороже – пожитки или собственные жизни. Кажется, дуболомы все же решили, что жизни – стало тише, или это мир в который раз начал уплывать, проваливаясь в небытие...

– Чистильщики идут, – сказала Ингрид.

Да. Чистильщики. Только они могут остановить тусветных тварей. И, по слухам, всегда чудесным образом оказываются там, где нужно. Как сейчас. Значит, окрестностям не грозит участь Озерного, которое четырнадцать лет назад твари сожрали до последнего пса.

– Сможешь до того, как появятся проход, выплести? – спросила Ингрид

– Да, – ответил Эрик. – Все равно в чистом поле я больше ничего не сделаю. Унесешь его?

– Куда денусь.

Сгустилась тьма. Гуннар слышал смешок Эрика – мол, спорим, тебя еще ни одна женщина на руках не носила? – И всхлип Вигдис – нашел время ржать, скотина. Он растянул непослушные губы в ухмылке, незачем ей еще и по нему рыдать, и так она только-только мать оплакала.

– Носила.

Четверть века назад. Только с тех пор он немного подрос. И это стало его последней связной мыслью.

То ли служители Творца ввали на счет загробного мира, то ли Гуннар все-таки был жив. Едва ли на том свете нашлась бы лечебница Эрика, разве что они перебрались туда всем отрядом и... Он не на шутку встревожился, но ощутил пальцы, сжимавшие его ладонь, сильные, отнюдь не бестелесные. Да и сама Вигдис совершенно не походила на небесное создание, даже сейчас, в теплом неровном пламени множества свечей, расставленных по комнате.

Он протянул руку, отвел с заплаканного лица девушки золотистую прядь. Удивился – при нем Вигдис плакала лишь раз, после похорон матери. Движение далось неожиданно тяжело, словно на запястье навесили свинцовые грузила. Девушка вскинулась, проводя рукавом по глазам, а в следующий миг лицо обожгла пощечина.

– Ты, болван стоеросовый, говорила тебе, не таскай эту гадость, мечта довольно. Даже в постели ее не снимал, бесто-

лочь мнительная, доигрался...

Будь он здоров, поймал бы руку, а дальше как пойдет, их нередкие бурные ссоры обычно заканчивались столь же бурным примирением. Но сейчас только и хватило сил, чтобы ухмыльнуться:

– Вот это больше на тебя похоже.

Она выругалась, разом сникла – волосы снова закрыли лицо.

– Я успевала тебя отбросить. Только рассыпалось.

Гуннар затем и носил амулет из небесного железа, чтобы любое направленное на него плетение рассыпалось. Можно никакой пакости не опасаться, а если надо подлечиться или что такое, снять недолго. Он пожал плечами.

– Бывает. Живой же.

Она снова вскинулась, нечленораздельно зашипев. Осеклась на полуслове, когда скрипнула дверь и в комнату шагнул Эрик, привычно наклонив голову. Гуннар в который раз подумал, что целитель наверняка многожды влетал лбом в притолоку, задумавшись или отвлекшись. Двери в лечебнице и для Гуннара были низковаты, а бугаю вроде Эрика и вовсе неудобны.

Он вообще не походил на целителя, какими их обычно изображают – умудренного сединами, иссохшего и скрюченного от постоянного сидения над учеными трактатами. Здоровенный, широкоплечий, с вечно взъерошенными темно-русыми волосами, которые он безуспешно приглаживал

льняным отваром. Одинаково хорошо Эрик владел и мечом, и – этого Гуннар оценить не мог, но был наслышан – плетениями. Несколько раз Эрика в собственной лечебнице принимали за охранника те, кто впервые приходил к целителю, за два года снискавшего себе славу во всем немаленьком Белокамне.

Трудно было понять, что заставляло его раз за разом срываться и, оставив лечебницу на помощницу Иде – «очень способную девочку», – то уходить с купцами, то сопровождать Гуннара в поисках очередного одаренного, забывшего, что и для них писан закон, то ввязываться в новую опасную затею Вигдис. Сам Эрик ухмылялся и говорил, что боится, сидя на одном месте, жиром зарости. Девчонки любить перестанут, а если кто и рискнет – раздавит ведь ненароком. Женщины на него и правда заглядывались – поди не заметишь такого – а Ингрид, кажется, вовсе не обращала на это внимания.

Впрочем, одаренные относились к подобным вещам куда проще, Гуннар знал это, но привыкнуть не мог. Порой он недоумевал, как он сам, не унаследовавший дара, «пустой» – так называли обычных людей одаренные – затесался в эту блестящую компанию. Он, тот, кто последние десять лет – с тех пор как сбежал от родных, поклявшись никогда не возвращаться, и клятву свою сдержал – охотился на таких, как они.

– Что за шум, а драки нету? – поинтересовался Эрик, оки-

дывая их взглядом. – Виноват, ошибся, драка тоже есть. Вигдис, если намереваешься его добить, сперва уведи из лечебницы, а то скажут, я раненого уморил.

Выглядел целитель типичным завсегдатаем «Шибеницы» – веки красные, под глазами синяки, на щеках рыжеватая щетина.

– Не дождетесь, – ухмыльнулся Гуннар.

Вигдис снова выругалась. Эрик хмыкнул, приобнимая ее за плечи.

– Ну все, хватит. Он дурень, конечно, но какой уж...

– Эй, нехрен лапать чужую женщину, у тебя своя есть. – Не будь Гуннар так слаб, словами бы не ограничился.

– Ингрид своя собственная женщина, – сказал целитель, впрочем, руки убрал. – Да, пока помню...

Он вытащил из-за пояса тканевый узелок, протянул Вигдис.

– Занеси, пожалуйста, к ювелиру, пусть спаяет. Скажешь потом, сколько взял, заплачу, раз уж порвал.

– Я эту дрянь утоплю в ближайшем нужнике.

– Ну нельзя же так с чужими вещами, дорогими, к тому же...

– Не дороже жизни.

Эрик промолчал, что вовсе на него не походило. Гуннар сложил воедино слезы Вигдис, измученный вид целителя, собственную слабость. Это далось едва ли не труднее, чем поднять руку, разум мутился, словно Гуннар изрядно выпил.

Потянулся к животу, руки наткнулись на полотно, пропитанное скользким и жирным... мазь?

– Что со мной?

Ранения в живот доводилось получать и раньше. Но в прошлый Вигдис стянула дыру в считанные минуты, а потом еще ехали верхом полдня – хотя, признаться, тогда Гуннар едва держался в седле, и от ночного караула его освободили. Но утром был как новенький.

– Здоровая дыра в брюхе.

– Это я понял. И?

Эрик помедлил, явно соображая, как бы половчее уйти от правды. Гуннар знал его вот уже пять лет, и все эти годы у того ни разу не получилось хоть сколько-нибудь убедительно соврать.

– Говори, как есть. Не маленький.

– Все в руках Творца.

– Не твоих?

– Что смогу – сделаю.

– Все настолько плохо, что у меня уже ничего не болит? – поинтересовался Гуннар.

Ему доводилось слышать, что тяжелое ранение в живот, если сразу не позвать целителя, спустя какое-то время перестает болеть, потому что кишки отмирают, а мертвое не чувствует боли.

– Не болит у тебя вот поэтому. – Эрик приподнял со столика флакон темного стекла. – И наплевать тебе, выздорове-

есть или нет, тоже поэтому.

Растворенный в крепком вине сок диковинного восточного мака. Эрик привез его из того похода, где все они и познакомились. Три года странствовали вместе с купцом, его степенством Колльбейном Дюжим. На заработанные в путешествии деньги Эрик обустроил лечебницу. Потом, когда другие купцы захотели повторить их путь, заказал им привезти еще такого же сока – но пока никто не вернулся.

– Надо же, такой редкости не пожалел на пустого.

– Я тебе счет выставлю, – усмехнулся Эрик. – Глядишь, к старости рассчитаешься.

На самом деле им четверым – даже Руни, который перестал «ввязываться в сомнительные истории» – Эрик счетов за лечение не выставял никогда. Так же как Вигдис ни разу не требовала долю за посредничество, а сам Гуннар спрашивал у любого из них, что за работу от него хотят, но не сколько заплатят. Впрочем, с деньгами его не обидели ни разу. И точно так же все трое знали, что ни травы для снадобий, ни ткани на бинты не появляются из ниоткуда, просто по воле Творца, и жертвовали на лечебницу по мере разумения. Эрик не отказывался, только смеялся, мол, настоящие герои со спасенных дев платы не требуют, но награду возьмут – и Гуннару оставалось лишь молча скрипеть зубами, когда Вигдис смеялась в ответ.

– И все-таки что со мной? – повторил он.

Эрик снова помолчал, размышляя. Потом повернулся к

Вигдис:

– Поспала бы ты. Двое суток без сна.

– Я не хочу домой.

– И незачем. Оставайся, найдем тебе комнату.

Он жил тут же, при лечебнице, в нескольких комнатах на втором этаже.

– Ингрид постелет, поболтаете, выпьете – тебе надо бы выпить, а то и напиться. Да и поздновато уже одной по городу шляться.

– Правда, отоспись, – сказал Гуннар. – В своей постели, наверное, лучше. До дома недалеко.

Выдумает тоже, «одной поздновато». Тому, кто попробует покуситься на честь или кошелек Вигдис, Гуннар не завидовал. И нечего тут...

Эрик ухмыльнулся.

– Я сегодня в любом случае спать не собирался, работы много. А даже если бы и собирался, после... гм, словом, меня и на одну женщину не хватит, не то что на двоих.

Вигдис выругалась.

– Как же вы меня оба утомили. Один – своей глупой ревностью, второй – дурацкими шуточками, мать вашу так и разэтак.

– Матушку мою не трогай, она женщина приличная, – хмыкнул Эрик. – А если хочешь знать, что там с Гуннаром, спросишь у него самого утром.

– Я хочу знать сейчас.

– Гуннар большой мальчик, сам решит, что рассказать, а что не надо. Передать Ингрид, что у нас гости, или домой пойдешь, пока не стемнело и всех хватать не начали?

Как и другие города, Белокамень после наступления темноты пустел, а проходящая стража уводила в тюрьму до утра любого, кого застанет на улицах. Честные люди по ночам дома сидят, только тати бродят, а им в темнице самое место. Поговаривали, что в столице, с ее университетом и толпой одаренных у трона, это правило касалось только простолюдинов, но в Белокамне почтенные купцы о порядке заботились всерьез, и стража не особо разбирала, одаренный, благородный или простолюдин – уводили всех. Начнешь норов казать и буянить – вместо ночи за решеткой просидишь неделю, а то и две, да еще пеню в пользу города заплатишь. Здесь в стражу брали и одаренных: один патруль не скрутит, другие на шум прибегут. Впрочем, те, кто поумнее, не буянили, а договаривались, люди – они и в страже люди.

– В бордель пойду, – фыркнула Вигдис. – Напьюсь, побью посуду, покусая цепного кобеля и оприходуя все, что не успеет убежать.

– Квартал не сожги. Пойдем, провожу, мало ли...

– Обойдусь.

– Нет. Ты не можешь сейчас плести.

Плести одаренный не может, только если истощен до крайности. Твою ж...

– Ты тоже не можешь.

– Вигдис, – окликнул Гуннар, протягивая руку. Да что такое, будто в кандалах.

Она протянула руку навстречу, и Гуннар заметил пятна крови на манжете. На рану не походило, больше смахивало на то, что она стерла несколько капель рукавом. Когда одаренный подходит к краю возможностей, носом идет кровь, давая знать, что пора остановиться. Если продолжает упорствовать – кровь идет горлом. Дальше – потеря сознания и, возможно, смерть.

– Чем бы это ни кончилось, – сказал Гуннар, глядя ей в глаза. – Спасибо. Я знаю, что ты сделала все, что могла.

Она сухо всхлипнула, подаваясь навстречу. Ткнулась лбом в плечо.

– Из-за меня...

Гуннар погладил ее по волосам.

– Нет. Из-за меня. Я сделал то, что считал нужным.

Она выпрямилась, снова провела рукавом по глазам.

– Иди домой, отдохни.

Она растерянно кивнула. Эрик опять обнял ее за плечи, выводя из комнаты.

– Все будет хорошо.

– Врешь.

Гуннару было все прекрасно слышно из-за неплотно прикрытой двери.

– Привираю. Я пошлю за тобой, если станет хуже, но, думаю, не сегодня ночью. Дать тебе с собой маковой настойки?

– Да я и так усну мертвым сном, едва голову до подушки донеся, – невесело усмехнулась она.

– Тогда я пошлю охранника проводить. И не спорь.

– Не буду. Спасибо. И, Эрик, если что-то нужно... Что угодно, хоть слезы единорога, хоть желчь девственницы, хоть мой труп... Что угодно. Я потеряла отца, потеряла брата, потеряла мать. Я не могу потерять и...

– Единороги-то в чем провинились? – буркнул Эрик и тут же сменил тон. – У меня все есть. Не хватает только сил и удачи... но это в руках Творца, а не твоих. Прости. Пойдем, провожу.

Гуннар закрыл глаза, вроде бы ненадолго. Очнулся, когда скрипнула дверь, снова входил Эрик.

Глава 2.

– Когда ты перестанешь лапать всех женщин, до которых успеваешь дотянуться? – буркнул Гуннар Эрику.

– Я не лапаю. Я обнимаю друга, которому страшно и больно. Зря домой пошла, будет бродить по пустому особняку, места себе не находя.

Гуннар покачал головой: спорить не было сил. Но в то, что Вигдис будет рыдать в подушку, он не верил. Норов не тот.

Эрик коснулся его лба – ладонь показалось ледяной, и все же Гуннар едва не схватил его руку, чтобы придержать подольше, остужая пылающее лицо. Зачем здесь так натоплено? И зачем на целителе шерстяная накидка, в такую-то жа-

ру? Эрик придвинул к постели столик, накрытый белоснежным полотенцем, под которым угадывались очертания склянок и прочих лекарственных штукоев, названия которых Гуннар не знал и не желал знать.

– Ты собирався рассказать, что со мной, – напомнил он, глядя, как целитель откидывает простыню и начинает осторожно снимать с живота пропитанное мазью полотно.

– Хребет цел.

Запоздалый страх холодом скрутился в животе – или дело было в том, что Эрик убрал часть повязок? Чем оставаться калекой, лучше уж сразу...

– Точно?

Он помнил, что тварь хлестнула его поперек спины, обернувшись вокруг поясом.

– Точно.

– Если нет, лучше добей.

– Да больно мне нужно врать! Сам говорил – не мальчик. Хребет цел, мышцы, правда, разъело, но это ерунда: подправил плетением, чтобы восстанавливались как надо, вырастут. Почки тоже целы... и на этом хорошее заканчивается.

– А плохое?

– Смотри сам.

Гуннар посмотрел и снова откинулся на подушки: разом закружилась голова и пересохло во рту. Конечно, человеческие кишки ему видеть доводилось, но не собственные же! Там, где пришлось щупальце – или как оно называлось – жи-

вота у него просто не было.

– И как они по дороге не вывалились?

Как друзья вообще смогли дотащить его живым до города? То, что он сам совершенно не помнит пути, неудивительно, наверняка в себя не приходил. Но оставался еще день пути, за который он должен был умереть.

– Кишки ж не напиханы как связка сосисок в мешок, – усмехнулся Эрик. – Барьером прикрыли и несли осторожно.

– А выглядит точь-в-точь, будто напиханы. – Что за дурь в голову лезет, от жара? Какая ему разница, на самом-то деле?

– Нет, там все очень продуманно и красиво, Творец явно знал, что делал. Если действительно любопытно, потом на каком-нибудь висельнике могу показать.

– Не настолько любопытно.

Но сколь Гуннар помнил, вскрывать и изучать человеческие тела было строжайше запрещено. Или одаренным и тут закон не писан?

– Можно, если в стенах университета и не духовным лицом, – лекарь словно читал его мысли. – Объявлю лечебницу университетом, и вся недолга. Количество учеников закон не оговаривает.

– И будешь меня школярам показывать, – хмыкнул Гуннар.

Странное дело, но перспектива неминуемой гибели его не пугала вовсе. Отличная штука этот нездешний мак, только в сон клонит. Говорят, на севере растут грибы, которые вои-

тели тамошних племен едят, дабы преисполниться ярости и презрения к смерти. Интересно, если смешать то и другое? Захочется плюнуть в морду медведю, а потом, порубив его в ошметки, улечься спать прямо посреди крови и кишок и... Гуннар помотал головой – вот так, наверное, с ума и сходят, болтая обо всякой ерунде. Кстати, о кишках...

– Если говоришь, что мышцы – ерунда, срastутся, почему ты собрался меня хоронить?

– Потому что... – Эрик заколебался. – Насколько подробный ответ тебе нужен? И насколько честный?

– Собираешься сказать, что все будет хорошо и завтра я буду порхать небесным созданием?

– Сияющим и бесплотным? Я бы не назвал это «все хорошо».

Гуннар против воли фыркнул. Иллюзий по поводу собственного посмертия он не питал.

– Сейчас мне почему-то море по колено. Так что рассказывай, как считаешь нужным.

– Сейчас это говоришь не ты, а мак и лихорадка. – Эрик помолчал, подбирая слова. – Твари разъедают плоть, ты видел. И внутренности тоже. Тебе в живот тех существ попало довольно много...

– И кишки превратились в решето, – догадался Гуннар.

– Примерно так. Потом пришлось тащить тебя в город, и за это время содержимое кишечника...

– Говори прямо, я не девица: когда вы дотащили меня до

лечебницы, в брюхе плавало дерьмо.

– Еще желудочный сок и немного желчи. Надо было, пожалуй, забрать образец того, что получилось, и подождать, пока не подвернется какой-нибудь дракон – наверняка и такую зверюгу бы положило.

– Драконов не бывает.

– Это ты так думаешь, – хмыкнул Эрик.

Он взял шандал на полдюжину свеч, склонился, внимательно вглядываясь во внутренности Гуннара и не забывая держать огонь так, чтобы капающий воск не попал ни в рану, ни на тело. Свечи а не светлячок, который обычно зажигали одаренные. Почему?

– По крайней мере, признаков омертвения сейчас не видно...

Разгибаясь, Эрик едва заметно пошатнулся, тряхнул головой – столик скрипнул, когда на него оперся здоровенный целитель.

– Дыры в кишках я заделал и брюшную полость отмыл. Но довольно много всосалось в кровь и сейчас травит тебя изнутри. И то, что осталось в кишечнике... срастить-то я его срастил, но заработать он пока не заработал... не тошнит, кстати?

Гуннар прикрыл глаза, прислушиваясь к себе. Мутило, но не так, чтобы срочно просить поганое ведро. Он помотал головой.

– Может, потому что мак... – задумчиво произнес Эрик. –

Противорвотный.

– Пить хочется.

Лекарь кивнул, плеснул в кружку из кувшина.

– Очень медленно, самыми мелкими глотками, какими только сможешь.

Он приподнял Гуннару голову и поднес кружку к губам. Гуннар глотнул – и тут же выплюнул, расплескав.

– Что за дрянь?

– Мед, соль, и сода. Гадость редкостная, согласен, но так надо. Потом, когда поправишься, объясню, слишком долго...

– Когда или если?

– Я не знаю. Был бы ты... одаренным, я бы почти не беспокоился: на нас все заживает, как на собаках.

Выходит, и тут Гуннар не чета им. Одаренные действительно жили дольше и медленней старились. И, получается, легче выздоравливали. Но показалось, или Эрик замаялся, словно хотел сказать не «одаренный», а что-то другое? Или опять разум шутит не к месту? Эрик сунул в глиняный горшочек полоску ткани, следом еще и еще.

– А так я не знаю, – продолжал он. – Не хотелось бы смотреть на вещи слишком мрачно.

– Лучше смотреть на них беспристрастно. – сказал Гуннар. – Итак, у меня в крови плавает зараза из кишок, сами кишки пока не работают, и что это значит?

– И это значит, что их содержимое вместо того, чтобы вы-

ходить положенным путем, всасывается в кровь...

– То есть вместо крови у меня тоже плавает дерьмо.

– Это ты называешь «беспристрастно», – рассмеялся лекарь. – Нет, все не настолько плохо... Ты молодой, здоровый и сильный. Так что есть причины надеяться, тело все же справится и с заразой, и с ядом.

Врет или нет? Раньше они были честны друг с другом, но у целителей свои представления о правильном. Мог приврать лишь для того, чтобы не омрачать последние дни.

– Ну и я помогу... когда снова смогу плести. Пока... извини.

Так вот почему свечи. Но насколько должен вымотаться одаренный, чтобы не суметь даже поддерживать светлячок – то, что любой из них мог делать совершенно бездумно, одновременно разговаривая, читая и даже?.. Хотя нет, на пике страсти светлячок Вигдис гас.

– Двое суток, да? Один?

– Был бы один, сдох бы уже. Вигдис от тебя не отходила... да и остальные. Ингрид отсыпается, Иде пока на ногах, но... – он развел руками. – Извини. Что смогли.

– Похоже, это я должен извиняться за причиненные хлопоты. И, чем бы это ни кончилось... Спасибо.

– Плеснешь при случае, – хмыкнул Эрик.

– И счет выставить не забудь, если будет кому...

Гуннар помолчал, размышляя, хочет ли он знать остальное. Встретить ли смерть понимая, что происходит, или на-

деяться до конца? И насколько здраво он сейчас рассуждает, учитывая, что мысли путаются, а от жара снова пересохло во рту. Не получится ли так, что потом он горько пожалеет о своем любопытстве?

– А если тело не осилит? И ваших плетений не хватит?

Эрик молча выудил из горшочка пропитанную мазью ткань, уложил полосу поперек раны. Рядом еще и еще, точно кроя крышу дранкой.

– Сердце перестанет справляться и начнет колотиться как бешеное. Живот больше не будет болеть...

– Он и сейчас не болит. Ты точно мне не врешь?

– Поверь, если бы не мак, тебе было бы сейчас очень несладко. Кстати... – Он вытер перепачканные мазью руки, взялся за пузырек с настойкой. – Пей.

– Говорю же, не болит.

– Когда заболит, поздно будет. Пей, вот же дал Творец такого барана пользоваться...

Гуннар проглотил на редкость гадкую жидкость, поморщился.

– Дальше.

– Будет постоянно рвать. Потом угаснет сознание, и тебе станет все равно, как это закончится.

– Понятно.

Эрик закашлялся в полотенце, убрал его, быстро глянув, заметил ли Гуннар. Неужели ему настолько не все равно? Или гордость искусного целителя задета?

– Если хочешь, утром пошлю за священником, – сказал он.

Были бы силы – Гуннар рассмеялся бы. Полжизни грешил, перед смертью спохватился.

– Ты, кажется, забыл, кто я.

– Наемный меч, – пожал плечами Эрик.

– И охотник на одаренных.

Меч в руках правосудия, говорили его учителя в ордене. Наемный убийца, если не играть словами. Большую часть одаренных, за которыми его посылали, Гуннар убил вовсе не в честном бою. Да и о каком честном бое может идти речь, когда один способен просто остановить сердце, или подчинить разум, на время превратив в послушную куклу, или один Творец знает что еще, а второй – просто человек? И небесное железо – невеликое спасение, оно не помешает, скажем, обрушить на голову рядом стоящее дерево.

– Забыл, твоя правда. – Лекарь придвинул табурет, руками, не плетением, сел, опираясь локтями о колени. – И что? Это мешает мне послать за священником, чтобы тебе стало спокойней?

Будь Гуннар чуть более в здравом уме, он бы смог объяснить, наверное. В ордене говорили: ты – лишь живое воплощение справедливости Творца. Как меч не повинен в том, что творит рука, его держащая, так и на охотниках нет крови. Гуннар верил, верил довольно долго. Пока не понял, что человек, в отличие от бездушного железа, всегда волен вы-

бирать.

Почему-то некстати вспомнилось, как он, тогда совсем еще сопляк, охотился в третий раз. Четыре покровителя той женщины умерли один за другим, незадолго до смерти обратив большую часть имущества в безликие монеты и драгоценные камни – не украшения, которые можно было бы описать и опознать. Контроль разума не оставляет следов, впрочем, вполне возможно, что она обходилась и без него, как многие до нее и многие после.

Гуннар нашел ее быстро: у ордена были хорошие осведомители. Вскоре он знал, что она живет в поместье очередного покровителя, и любит проводить утра – а покровитель вставал хорошо если к обеду – за вышиванием в саду. Злой и невыспавшийся, дело есть дело, Гуннар уместился в развилке ветвей старой раскидистой яблони и ждал.

Женщина вышла в сад, как и многие дни до того. Слуга тащил массивную раму с пяльцами, служанка – корзину, накрытую кружевом, чересчур, пожалуй, большую для рукодельной. Слуги с поклоном удалились, Гуннар вложил болт в желоб заранее взведенного самострела, небольшого, но оттого не менее смертоносного. Он знал, что не промахнется: болт в глаз, жертва не успеет крикнуть, а он спокойно уйдет. Но когда снова перевел взгляд на цель, женщина взяла из-под кружева спеленатого младенца, склонилась над ним, воркуя. Он бы не промахнулся... если бы смог спустить тетиву. Потом, стоя под плетью – честно признавшись в том,

что нарушил приказ – он так и не решил, был то миг слабости, или просто нельзя было поступить иначе. Впрочем, женщину все равно достали другие.

Через несколько лет Гуннар захотел покинуть орден. Ему разрешили, на время, сказав, что иногда нужно отдохнуть от охоты и подумать. Но когда-нибудь за ним пришлют снова – если будет за кем посылать. Из ордена пока не приходили, не указывали на новые цели. Но были другие заказчики, те, кто отчаялся добиться справедливости.

Даже если все обернется совсем плохо, сожалеть не о чем, а каяться только ради того, чтобы вымолить снисхождение Творца Гуннар не собирался. Как жил, так пусть и судит, а там – на все воля Его.

Дверь раскрылась, вернув Гуннара в настоящее, в щель просунулась рыжая голова Ингрид.

– Не помешаю?

Эрик глянул вопросительно, Гуннар помотал головой. Не помешает, наоборот. Не придется подбирать слова, пытаясь объяснить, почему он не хочет врать служителю Творца о раскаянии.

Ингрид подошла к целителю, прошла руками по плечам, разминая мышцы – тот прижмурился, выпрямляясь, потерся затылком о ее живот. Извернулся, глядя в лицо снизу вверх. Она мотнула головой – мол, ничего. Шагнув к постели, положила ладонь на лоб Гуннара, и он, не удержавшись, ухватил ее руку, чтобы хоть на немного продлить ощущение

прохлады – даром что собственную едва смог поднять. Лицо женщины сделалось отрешенным, как у всех одаренных, занятых сложным плетением. Эрик, едва заметно нахмурившись, коснулся ее бока, но Ингрид снова мотнула головой.

– Я поспала немного. Все хорошо.

При взгляде на нее сами собой вспоминались полузабытые легенды о девах битвы: ростом Ингрид не уступала самому Гуннару. Да и отправить на тот свет могла голыми руками, не говоря уж о клинке или плетениях. Обычно, правда, она предпочитала клинок, и многие по-первости не узнавали в ней одаренную. Тем более что перстень – знак полноправного магистра, закончившего обучение – она не носила.

Впрочем, она вообще не носила украшений – ни серег, ни браслетов, ни гривен, ни даже лент в волосах, перетягивая толстенную рыжую косу кожаным шнурком, на котором висела бусина дымчатого стекла, внутри которой переливалась алым капля. Эрик таскал такую же на запястье. Будь внутри настоящая кровь – а выглядело именно так – Гуннар сказал бы, что видывал подобные штуки и раньше, в ордене. Только те были деревянные, некрасивого бурого цвета. Дерево хорошо впитывает кровь, а по крови можно отыскать любого одаренного где угодно. Но когда он попытался об этом расспросить, Эрик лишь отшутился, а Ингрид посмотрела в глаза и сказала, мол, мне нравится украшать косу именно так, и этого достаточно. Хорошо хоть напрямую не заявила, чтобы не лез не в свои дела, хотя намек был достаточно прозрачен.

Гуннар частенько задумывался, что Эрик в ней нашел: хороша, конечно, очень хороша, но такая девушка точно не станет сидеть дома и вышивать мужу рубахи. Впрочем, может именно то, что она постоянно уходила с караванами то на несколько недель, а то и на полгода, как в последний раз, Эрика и устраивало, кто знает? Гуннар прожил рядом с одаренными почти всю жизнь — пять лет пансиона не в счет — а понимать их так и не научился. Да и ему ли судить, сам выбрал вовсе не домашнюю девочку.

Эрик тяжело поднялся, бросил в камин окровавленную тряпицу.

— Схожу за сиделкой. — Он тронул Гуннара за плечо. — А ты поспи.

Гуннар кивнул — и в самом деле снова клонило в сон. Оно и к лучшему, а то что-то на откровения потянуло. Он прислушался к себе — вроде ничего не изменилось, разве что, кажется, жар стал спадать. Или просто ладонь Ингрид нагрелась? Нет, в самом деле, и туман в голове как будто немного рассеялся, а, может, Гуннар просто выдает желаемое за действительное. Девушка некрасиво шмыгнула носом, наконец убрав руку, опустилась на табурет.

— О, отдохнула? — раздалось из-за двери.

Гуннар глянул в ту сторону — они тут вообще, что ли, двери не прикрывают? Вроде закрыта. Слишком тонкая?

Неразборчиво прожурчал девичий голос.

— Иде, — голос Эрика стал холодным и жестким. — Если у

тебя есть силы – пойди и займись раненым, это у тебя выйдет лучше, чем у Ингрид. Если нет – иди к себе и отсыпайся. Но я, признаться, очень устал, и сейчас не в состоянии в который раз повторять одно и то же.

Снова не разобрать.

– Ты очень талантливый целитель, Иде. – Кажется, льда в его интонациях хватило бы на изрядных размеров погреб. – Но мне надоело каждый раз думать, открыта ли дверь, когда рядом больше никого нет.

Гуннар совершенно оторопел, увидев широкую улыбку Ингрид. Или он ничего не понимал в людях, или ее все это откровенно забавляло. Вигдис бы уже рвала и метала, да и сам он...

– Настолько уверена в себе? – не удержался он от шпильки.

– Я доверяю ему, – сказала Ингрид.

– Но что я могу поделать, если лю... – Иде вскрикнула. – Отпусти, руки, мне больно!

– Хватит. Тебе придется поискать другое место. Завтра с утра расплачусь и отдам рекомендации. Хорошие, не бойся. Ты и в самом деле отличный целитель.

– Да чем тебя приворожила эта рыжая старуха!

Глава 3

– А чего намереваешься добиться ты, пытаешься оскорбить человека, который мне очень дорог? – медленно произнес Эрик. – Уйди, пожалуйста. Пока я не наговорил такого, чего ты не сможешь забыть.

Гуннар подумал, что на месте Ингрид бы не удержался – открыл дверь и встал на пороге, смерив неудачливую соперницу взглядом. А потом придумал бы повод и вызвал на поединок. Но та лишь задумчиво покачала головой. Повисшее молчание показалось ему тягостным, однако говорить о какой-нибудь ерунде, делая вид, будто ничего не произошло, тоже неправильно. Ингрид снова коснулась его лба, удовлетворенно кивнула.

– Тебе правда все равно? – не выдержал Гуннар.

Она ответила не сразу, и у него на языке уже завертелись извинения. В конце концов, это не его дело.

– Не все равно. Но он доверяет мне, когда я ухожу с очередным караваном, а я – ему, когда он остается. Если кто-то из нас поймет, что больше не может доверять... тогда просто не станет «нас».

– «Не станет нас». – повторил Гуннар. – Вот так просто?

– Может быть, и непросто. Я очень давно разучилась загадывать наперед... Дать тебе пить?

Гуннар кивнул. Все-таки это питье – гадость редкостная,

но если лекарь сказал, что так надо, кто он такой, чтобы спорить?

– Сиделка сейчас будет, – сказал вернувшийся Эрик. Глянул виновато. – Извини.

– За то, что не только у меня есть глаза? – улыбнулась Ингрид.

Он привлек девушку к себе, поцеловал в висок – Гуннар мысленно поморщился. Одаренные всегда игнорировали правила приличия.

– Не думал, что до этого дойдет. Надо было сразу... Извини. Вроде умная женщина, и – на тебе.

– Усталость творит с людьми страшные вещи, – сказала Ингрид. – Хватит об этом.

Эрик задумчиво кивнул, а Гуннар подумал, что почему-то отчаянно и неприлично им завидует – и вовсе не из-за дара.

– А что с чудовищем? – спросил он, чтобы сменить тему.

Эрик пожал плечами.

– Появились чистильщики, и мы унесли ноги. Купец с подручными сбежали до того, так что охранять больше было нечего. Любопытствовать, кто кого заборет, тоже было некогда, сам понимаешь. Но, судя по тому, что слухи о тварях до города не дошли – чистильщики в очередной раз спасли мир.

Показалось Гуннару, или в его усмешке таилась горечь? Показалось, наверное.

Следующие несколько дней Гуннар провел, то провалива-

ясь в забытье, то возвращаясь в мусть жара и маковой настоек. Какое-то время ему казалось, что он навсегда заблудился между бредом и грезами, совершенно перестав отличать, что настоящее, а что нет.

Эрик заглядывал по несколько раз на дню, на то он и целитель. Мать садилась у постели и рассказывала, что все глаза выплакала по нему. Скорее всего, она была жива, одаренные живут долго и безбедно, но что бы ее занесло так далеко от дома? Совершенно точно нечего было делать у его постели Орму, брату Вигдис, чье изуродованное тело она сожгла собственноручно. Гуннар пытался рассказать Орму, что они за него отомстили, и нечего тревожить живых. Тот смеялся, он всегда много смеялся, и говорил, что просто заглянул развеяться, у престола Творца скука смертная...

Ингрид, как и Эрик, была настоящей – спокойной и по обыкновению немногословной. Насчет Вигдис Гуннар уверен не был, знал бы что это на самом деле – ни за что бы не позволил возиться с собой, точно с младенцем, обтирать теплой водой и расчесывать, хотя эта забота была приятней навеянного маковой настоек блаженства.

Руни наверняка примерещился. Вернувшись из трехлетнего путешествия с Колльбейном, приятель купил должность, завел дом и взял в него сироту-бесприданницу, покончив с жизнью наемника раз и навсегда. У начальника стражи такого огромного города наверняка были куда более важные заботы, чем сидеть у постели человека, с которым в послед-

ний раз виделись полгода назад.

И совершенно точно нечего было делать в этом мире Фридмунду и Зигмунду. Гуннар не на шутку обиделся, когда, уходя, оба попрощались, не попросив, как обычно, их позвать, если появится что-нибудь интересное. Сперва надулся, а уж потом понял, что позвать, может, и получится, а отзываться уже некому.

Надо будет зайти к вдове. Вернувшись из похода, где они все и познакомились, Фридмунд всерьез собирался осесть дома навсегда, три года жену и дочерей не видел, куда ж это годится, да и остепениться пора к сорока. Но через полгода снова сорвался с очередным караваном, ворча, что в доме, полном баб, ни один мужик в здравом уме не останется, и лучше уж выйти одному против тройки мечей, чем ругаться со сварливой женщиной, когда ты ей слово, она в ответ десять. Нуждаться семья вряд ли будет, Фридмунд наверняка оставил достаточно, но надо будет зайти. И к родителям Зигмунда тоже, после того как Гуннар встанет... если встанет.

Так что когда появилась боль, он обрадовался, это означало, что явь, наконец, перестанет путаться с бредом, и что он все-таки жив.

Правда, выздоравливать оказалось невыносимо скучно. Читать лежа неудобно, руки быстро уставали держать здоровенный фолиант. Перекинуться в карты или кости не с кем: одаренные не жаловали ни то, ни другое, слишком уж просто подтасовать колоду или заставить костяшки лечь нужной

стороной вверх. А «загони льва» недолюбливал сам Гуннар. И то сказать, проигрывать Ингрид было не слишком приятно.

Конечно, Эрик по-прежнему заглядывал к нему, хоть уже и не так часто, иногда оставаясь почесать языком, но у него были и другие заботы. Как и у Вигдис, которая приходила каждый день, но надолго не задерживалась. Впрочем, Гуннар от нее этого и не ожидал, никто не нанимался его развлекать.

После того, как разрешили подняться с постели, стало проще. Силы восстанавливались стремительно, только все время хотелось есть, хотя кормили его точно на убой, не оглядываясь на предписания слуг Творца, мол, первая трапеза должна быть не раньше, чем солнце окажется в зените, а вторая – в конце наполненного добрыми делами дня. Эрик как-то, смеясь, заметил, что все повара «Шибеницы» нынче работают исключительно на прокорм Гуннара, и, пожалуй, был недалек от истины.

«Шибеницей» назывался трактир в соседнем квартале, место, где собирались наемники, и одаренные, и мечи. Поговаривали, жутковатенькое свое название трактир приобрел, когда в него заглянул местный юродивый. Что его, обычно крутившегося в противоположном конце города, туда занесло, не знал никто, но, оглядев присутствующих, дурачок зарыдал и предрек, что все они окажутся на шибенице. Хозяин под нехорошее молчание налил юродивому добрую кружку пива, отрезал полхлеба, а потом кликнул работника и велел

сменить вывеску. Немедля.

Добропорядочные горожане в этот трактир не совались и раньше, а у завсегдатаев появился лишний повод для шуток, и без того не отличавшихся изысканностью. Но еда там всегда была доброй – пусть и простой, зато вкусной и сытной, и Эрик с Ингрид, не державшие домашней прислуги, столновались именно в «Шибенице». Да и Гуннар нередко туда заглядывал.

Будь его воля, Гуннар ушел бы домой в первый же день, как ему разрешили подняться, даром, что двух шагов от постели сделать не мог. Он полжизни ночевал в чужих местах, да и дома у него, по сути, давно не было, хоть он и называл так комнату, что снимал в городе. Но сейчас хотелось забиться в нору и никого не видеть, тем более, постоянно не ощущать на себе чужих плетений и не думать, чего там могли еще сотворить одаренные с его телом и – главное – с его разумом. Ему сложно было чувствовать себя абсолютно незащищенным перед теми, кто в любой миг мог заставить его сделать что угодно, а потом – забыть все случившееся. Порой Гуннар завидовал обычным людям, которые почти не сталкивались с одаренными и не знали или не хотели знать, на что те способны.

Потому когда Эрик сказал, что можно, наконец, вернуть на шею амулет, Гуннар вздохнул с облегчением. Не то чтобы он ожидал подвоха от целителя – каждому из этих четверых он верил больше, чем любому другому. Но несколько раз

ему доводилось ощутить, что такое контроль разума. Пусть в ордене, под присмотром наставников, пусть лишь для того, чтобы научиться вовремя замечать – но ужас от сознания, что ни тело, ни мысли больше не подчиняются, Гуннар запомнил навсегда. Наставники говорили, с этим можно бороться, отделив чуждую волю от собственной, но у него так ни разу и не получилось. Разве что отсрочить неизбежное на несколько мгновений, которых, в случае чего, хватит, чтобы оборвать жизнь, а чужую или свою – как получится.

И все же, застегивая новый – старый потерялся и пришлось заменить – замок короткой, под горло, цепочки из небесного железа, Гуннар не мог не думать, а вдруг, пока он спал или валялся в бреду, Эрик или Ингрид, а то и Вигдис, влезли в его разум, заставили сделать что-то, одному Творцу ведомое, и забыть? Это было глупо: много ли толку от марионетки, которая едва на ногах держится, да и, главное, зачем бы им? Все равно что подозревать воина будто он убивает всех, попавшихся на пути, лишь потому, что умеет и меч при нем. Гуннар понимал: он зря подозревает друзей, и все же с амулетом было спокойнее.

Вигдис появилась в лечебнице как раз, когда он собирался уходить, точно специально подгадывала. А может, и впрямь специально. С Эрика стало бы попросить ее проводить Гуннара домой: ко всем, попавшим к нему в руки, целитель относился, точно к малым детям, неспособным ложку до рта

донести и до дома добраться. Вигдис и правда предложила сопровождать его. Смешная, Гуннар чувствовал себя абсолютно здоровым. Впрочем, почему бы ей не пойти вместе с ним, а потом не остаться?

Он шел, как и всегда, за правым плечом Вигдис, отступив на шаг. Конечно, она могла за себя постоять, но лучше уж приглядеть. Со стороны все это выглядело, наверное, глупо: она ведь много раз ходила по городу и без него – у каждого были и своя жизнь, и свои заботы. Но Гуннар слишком хорошо знал, как, проходя мимо, можно быстрым, едва заметным движением ткнуть отравленным клинком и зашагать дальше. Совершенно спокойно, как и до того, оставив человека растерянно зажимать смертельную рану.

Так совсем недавно погибла мать Вигдис, случайно и глупо: на рынке схватила за руку воришку, потянувшегося к кошельку, а тот молча пырнул ножом под ребро и неспешно растворился в толпе прежде, чем растерявшаяся служанка закричала. Одаренными не были ни та, ни другая, а толпа на то и толпа, что разума у нее нет – пока орали «держи вора», пока заполошно суетились, помогать стало некому.

Вигдис, конечно, способна за себя постоять, но и врагов наживать она умела отменно, так что клинок мог оказаться отравленным, а проверить, хватит ли у нее выдержки и сноровки, чтобы излечить плетением саму себя, когда разум меркнет от боли и страха, а по телу, истекающему кровью, расходится яд, Гуннар не хотел. И поэтому, когда она, от-

ступив в сторону – пропуская всадника на неспешно вышагивающем по деревянной мостовой коне – взяла Гуннара за руку, он осторожно высвободил ладонь; хорош защитник, у которого руки заняты. Лицо девушки на миг напряглось, или ему показалось? Когда снова можно было идти, Вигдис двинулась, даже не оглянувшись в его сторону.

На первом этаже дома, где он жил, была лавка, с двумя входами – для покупателей и с лестницы, для хозяйки и прислуги. На втором располагалась сама хозяйка, бездетная вдова, унаследовавшая лавку у покойного мужа. Третий, под самой крышей, был отдан постояльцу.

Обычно Гуннар взлетал по лестнице одним махом, но в этот раз на втором этаже его перехватила хозяйка. Услышала, видимо, колокольчик внизу. Вигдис безмолвной тенью отступила на несколько ступенек вниз, в непроглядную темноту. Наверное, можно было бы показать ее хозяйке: в конце концов, лавочница – не их круга, добропорядочная горожанка не будет якшаться с наемниками. И не поверит, что постоялец не водит к себе женщин. Но никогда не знаешь, кому она сболтнет и что именно, а сплетни разлетаются почти мгновенно.

Одаренным не было дела до того, кто с кем делит постель. Среди тех, кому дара не досталось, блуд считался грехом. Конечно, это мало кого останавливало, но выставление его напоказ означало позор. Гуннар и Вигдис и не выставляли,

договорившись так с самого начала, еще в том походе, что их свел.

Купеческий караван – не солдатский обоз, где найдется место женам, слугам и шлюхам. Женщин в нем мало, женщины испокон веков занималась домом и детьми, и нечего им делать там, где ложатся спать, не выпуская из рук оружия. Одаренные – исключения, но даже на одаренную изголодавшиеся в дороге мужчины будут смотреть, как на законную добычу, едва она хоть взглядом, хоть жестом даст понять, что доступна. А если дозволено одному, почему бы и другому не попытать счастья, может быть даже и силой, известно же, что девки всегда ломаются. Так что повода лучше было не давать, даром что Вигдис могла бы раскатать почти любого в отряде, не прикоснувшись и пальцем.

Когда они вернулись в город, ничего не изменилось. Как посреднице ей приходилось иметь дело все с теми же купцами и мечами, представления которых о приличном совершенно не совпадали с привычками одаренных. Появись у Вигдис любовник, хоть временный, хоть постоянный, и из уважаемого партнера она превратится в гулящую девку. С другой стороны, Гуннару тоже не хотелось, чтобы про него говорили, будто добывает работу вовсе не мечом. А уж это скажут непременно.

Хозяйка, как на грех, завела разговор, словно Гуннар был давно не виданным родичем. Он приготовился отбалтываться, сославшись на усталость после затянувшегося похода, но

лицо женщины вдруг перестало что-то выражать и, оборвав фразу на полуслове, она исчезла за дверью. Гуннар взглянул на Вигдис, та лишь пожала плечами. Да, так наверняка проще, чем ждать, пока удастся отвязаться от болтовни, и все же было неприятно видеть, насколько бездумно одаренные пользуются запрещенными плетениями.

Но тут Вигдис прижалась всем телом, потянулась к губам, и дурные мысли смыло. Засов в свою комнату Гуннар закрывал, уже повинаясь лишь привычке, не разуму. Мыслей к тому времени не осталось – лишь почти хмельное желание, напоминающее, что он жив и уже здоров. И что он не один.

Потом голова Вигдис лежала у него на плече, пальцы вычерчивали на груди неведомые знаки.

– О чем задумался?

Самый неуместный вопрос из всех возможных, учитывая место и время, и поди пойми, что отвечать. Скажешь правду – мол, ни о чем – так ведь обидится. Странно, раньше за ней подобного не водилось. Впрочем, раньше она и не вцеплялась в его спину так исступленно, словно его вот-вот унесет в неведомые дали.

– О тебе.

Она усмехнулась, как-то очень горько, словно он откровенно врал. Ее пальцы все так же бездумно скользнули к шее, дернулись, наткнувшись на цепочку. Вигдис, шипя, выругалась. Гуннар улыбнулся про себя, вспомнив, как они в первый раз остались наедине, ее ладони нырнули за ворот – а

в следующий миг девушка вскрикнула в голос и отскочила, точно кошка, на которую выплеснули ведро холодной воды. В тот вечер он узнал несколько новых выражений, а потом потребовалось немало терпения и времени, чтобы снова к ней приблизиться.

– Ты когда-нибудь снимаешь эту дрянь?

Гуннар пожал плечами – ответ был ей известен, так зачем спрашивать? Он точно знал, что небесное железо не причиняет одаренным боли. Просто блокирует дар, если касается кожи. Наверное, не слишком приятно, но... Но без амулета он чувствовал себя беззащитней младенца.

Вигдис села, отвернувшись, уставилась в стену. Да что с ней творится?

Глава 4

Гуннар обхватил ее за талию, пытаясь притянуть к себе, но девушка отвела его руку, поднялась, отойдя от кровати.

– Ты настолько меня стыдишься? – спросила она, по-прежнему глядя куда-то в стену.

Он так оторопел, что даже перестал таращиться на ее задницу.

– Какая муха тебя укусила?

Это она его стыдится, если уж на то пошло. Его, обделенного даром, его, который никогда не встанет на одну доску с ними, меняющими плетения мира. С теми, на ком «все заживает как на собаках» и кто может лишь усилием мысли остановить чужое сердце или залить водой легкие, или обрушить с рук поток пламени. Гуннар приподнялся на локте.

– С чего ты взяла?

– Я не слепая.

– Что. Вдруг. Случилось?

– Не вдруг. Кто я тебе, если на людях ты стыдишься даже взять меня за руку?

– Дело не...

Да она сама на людях держится с ним так, будто все, что их связывает – общее дело, будто он всего лишь один из мечей, что на нее работают. Лучший, да, и все же – один из. Как и условились, и, говоря по правде, Гуннар был этому рад.

Впрочем, даже если бы не приходилось скрывать, едва ли он вел бы себя при всех по-другому. В конце концов, он не одаренный, чтобы прилюдно миловаться.

Что за вожжа ей под хвост попала сегодня?

– Как называется женщина, которую приводят домой, только чтобы насытиться, и выпроваживают, едва нужда в ней отпала?

– Разве я тебя гоню? Оставайся.

– До утра? Чтобы снова уйти, едва рассветет?

Гуннар промолчал. Вигдис горько усмехнулась:

– Разве тут есть для меня место?

Наверное, и в самом деле нет. В кровати вдвоем помещались, а остальное... Стол, табурет. Жаровня, на которой он изредка готовил. Камин, согревавший зимой, сундук с вещами и ящик с промасленным песком, где хранилась кольчуга. Женщинам же, наверное, надо много места под наряды и безделушки... В походах Вигдис, как и все, обходилась немногим, но в городе носила платья, дорогие, шелковые. Гуннар понял вдруг, что у нее дома он не бывал дальше гостиной, обставленной уютно и со вкусом. Но чья это была заслуга – Вигдис или ее матери?

Он резко сел, вляпавшись в холодное и липкое, поморщившись, обтер руку о простыню.

– Вот-вот, – усмехнулась она. – Даже это оставить безгусь.

Гуннар застонал вслух. Какого рожна?

– А ты не забыла, что я не одаренный, и могу тебя обрюхатить, если не буду осторожен? – Он встал, шагнул ближе, нависая сверху. – В чем еще я провинился? В том, что не таскаю за косы, как это делает простонародье, чтобы баба знала свое место?

– А что, хотелось бы, да руки короткие?

Это только в платье Вигдис выглядела худой и хрупкой, а без него становилось очевидно, что вовсе это не худоба, а отточенность сильного и ловкого тела, не обремененного лишним жиром. Гуннару доводилось видеть, как она рубилась: разъяренный демон во плоти. Он залюбовался бы, если бы не был так занят в тот миг. Тогда он ее и разглядел... Нет, доведись им схватиться один на один, сила на силу, он бы одолел, мужик все-таки. Только это ж совсем край...

– Чего ты от меня хочешь? Чтобы я орал с каждой крыши о том, что ты моя женщина? Вы... Отодрал на рыночной площади, чтобы уж точно все знали?

А на самом деле? Что ей нужно на самом деле? Будь это кто другой, Гуннар решил бы – хочет, чтобы в жены взял. Чтобы на шею гривну, волосы под платок, все, как у людей, жить-поживать, да детей... Только Вигдис от такой жизни взвоет через полгода, впрочем, как и он сам. Да и...

Одаренные не имели права давать обеты перед лицом Творца – те самые обеты, что связывают двоих до конца жизни. И Гуннар не замечал, чтобы их это огорчало. Большинство одаренных вообще не утруждали себя хоть сколько-то

долгими отношениями: приглянулись друг другу, провели вместе ночь, через пару дней приглянулся кто-то другой... Ингрид с Эриком выглядели скорее исключением. У одаренной пары не могло быть детей и те, кто хотел семью, нормальную семью, искал себе кого-то без дара. Кого-то, кто готов был наплевать на шепотки и сплетни. Впрочем, женщинам, связавшимся с одаренными, многое прощалось.

Так вот отец Вигдис прожил с ее матерью много лет, вырастив двоих детей. Оставался бы с ней и дальше, если бы не холера – по рассказам, он сгорел за считанные часы, потеряв способность плести, и, значит, исцелить себя, прежде, чем понял, что болен. Позвали за помощью, но больной в охваченном мором городе был не один, и целитель дойти не успел.

Гуннар помнил, как они с Вигдис вернулись в город через три года после того, как уехали. Он взялся ее проводить – и вовсе не потому, что ему пока некуда было идти, ведь снять комнату на постоялом дворе – дело недолгое. Каково ей было идти домой и объяснять родителям, что случилось с братом? Гуннар помнил, как в проеме двери выросла сухощавая женщина, очень похожая на Вигдис, и, окинув их взглядом, спросила:

– А где Орм?

– Орм не придет, мама, – тихо сказала Вигдис. – Пошли за папой, и я все расскажу.

– Папа тоже не придет.

Женщина заплакала, Вигдис обняла мать, повела ее в дом, коротко оглянувшись – мол, извини, а Гуннар так и остался стоять столбом, ощущая себя лишним, беспомощным и бесполезным.

Жалела ли мать Вигдис, что так и не надела свадебной гривны, которую отец ее детей не смог бы ей подарить, даже если бы и захотел?

Зря он вспомнил. Наорать бы, сорваться: в конце концов, чем он заслужил все эти упреки, и, главное, нашла когда... Но злость схлынула, оставив лишь усталость, и Гуннар негромко добавил:

– Я не могу быть таким, как вы, просто потому, что дара мне не досталось. И то, что сойдет с рук вам, мне припомнят. Да и не хочу быть таким, если уж совсем начистоту. Ты это знаешь. – Он помедлил, точно перед прыжком в холодную воду. – Какой есть – такой уж есть, другим не быть. Оставайся или уходи, держать не стану.

Только одному Творцу ведомо, что он будет делать потом. Но это будет потом.

Вигдис вдруг стремительно шагнула вперед, ткнулась головой в плечо.

– Я просто до смерти перепугалась за тебя, и успокоиться никак не получается.

Гуннар прижал ее крепче.

– Неделя прошла. Я жив. Давно пора было...

– Как у тебя все просто. Мамы месяц как нет, я и по ней

не должна больше плакать?

– Сравнила. Мать у тебя одна была, а мужиков... – он осекся. – Прости. Я не то хотел сказать.

Вигдис отстранилась, отворачиваясь, обхватила себя за плечи.

– Но сказал именно это.

Гуннар обнял ее со спины, зарылся лицом в волосы, пахнущие розовой водой. Повторил:

– Прости. Я правда не о том. – Как это у нее выходит? Ни с того ни с сего начала она, а извиняется он. И, главное, было бы за что. – Просто... Когда-нибудь все равно...

Все, что он умеет, и умеет хорошо – убивать. А людям, как ни удивительно, обычно не нравится, когда их пытаются убить. Так что когда-нибудь кто-то другой окажется сильнее, только и всего. Гуннар сам выбрал этот путь, когда сбежал из пансиона, куда его определила мать, поняв, что первенец надежд не оправдал, так что чего теперь жалеть?

– Не надо. – Вигдис поймала его руки. – Не говори так. Ты – все, что у меня осталось.

– Врешь, – улыбнулся Гуннар, прихватывая губами ее ухо, девушка хихикнула – щекотно. – У тебя друзья. Полгорода знакомых. У тебя есть занятие, в конце концов, которое тебе нравится, я же вижу. И хорошо, что врешь.

Творцу ведомо, он не тот, кто стал бы смыслом чужой жизни, как бы лестно это ни звучало по-первости.

Она развернулась, заглядывая в глаза:

– Я просто хочу быть с тобой.

– Ты и так со мной.

– Засыпать рядом с тобой. Просыпаться рядом. Разве это много?

А разве мало? На самом деле потесниться нетрудно, причина была не в том. Гуннар не слишком любил, когда она оставалась на ночь. Рядом с ней не удавалось выспаться – и не потому, что засыпали под утро, примерно в такое время он обычно и ложился. Но Вигдис была ранней пташкой, и каждый раз, когда она оставалась у него, Гуннар продираал глаза невыспавшийся и злой.

Проснувшись ни свет ни заря Вигдис, как бы поздно ни заснула, уставала лежать тихонько и пыталась «незаметно» выбраться из постели. Незаметно не получалось никогда. Хоть она и двигалась почти бесшумно, Гуннар все равно подскакивал от малейшего шороха – повадка, несколько раз спасшая ему жизнь, и не только ему. И пока он пытался отпиться жуткой черной дрянью, привезенной из восточных земель, и перебирал способы уйти из жизни быстро и безболезненно, чтобы никого не видеть и не слышать очередным ранним утром, Вигдис щебетала птичкой, вызывая желание запустить в нее кружкой, а то и чем потяжелее. Все-таки слишком разными они были, чтобы легко ужиться.

Гуннар умело владел лицом, но и она тоже не вчера родилась. Вывернулась из рук, потянулась за одеждой.

– Извини. Я вела себя как капризная барышня. – Вигдис

исчезла под рубахой, а когда вынырнула из ворота, лицо было абсолютно спокойным. – Подумала, что, может быть, ко мне переберешься, дом стал слишком большим для меня одной. Он и при маме был уже слишком большой, а теперь и вовсе... Глупо.

И в самом деле. Жить в доме женщины на правах непонятно кого...

– Продай и найди что-нибудь по душе.

Она посмотрела долгим странным взглядом. Что он опять сказал не так?

– Это дом, где жили поколения моих предков по матери. Где выросла я сама. – Вигдис дернула щекой – Хватит об этом. Я была не права.

До Гуннара, наконец, дошло. Одаренная, она не могла унаследовать дом после смерти матери. Поэтому, если в течение трех месяцев после смерти владелицы других наследников не объявится, имение объявят выморочным, опишут и опечатают. А если наследников не окажется и через год оно отойдет городу, и Совет пустит дом с молотка вместе со всем, что внутри. Гуннар совершенно об этом не помнил – немудрено, сам он на наследство от своей матери не рассчитывал, даже если бы у нее и не было дара. Потому, наверное, Вигдис и чудит: кто бы на ее месте не переживал, сознавая, что скоро родной дом будет чужим?

– Забыл, – сказал он. – Я не хотел тебя обидеть.

Да что такое сегодня: что ни брякнет, все невпопад?

– Ты не обидел. – Она наклонилась, завязывая башмаки.

– Погоди. – Гуннар тоже потянулся за одеждой. – Провожу.

– Белый день на дворе, – усмехнулась она. – А у тебя на-верняка полно еще дел, так что не стоит. Если кому-нибудь понадобится меч, за тобой посылать? Или хочешь передохнуть?

– Наотдыхался. – Он влез в штаны. – Давай все-таки про-вожу.

– Не надо. Ты уже сказал слишком много, и еще больше – не сказал. Но другим тебе действительно не стать, как и мне. Я пришлю за тобой, если появится что-то интересное.

Мягко закрылась дверь. Гуннар длинно и прочувствованно выругался.

Дел у него было не то чтобы много, могли и до завтра подождать. Но хоть найдется чем голову занять сегодня вечером вместо того, чтобы размышлять, вернется ли Вигдис и какого рожна ей от него было надо на самом деле. В то, что она действительно голову потеряла от любви и потому чудит, он не верил вот ни на столечко.

Прежде всего следовало привести в порядок вещи после похода: все это время они так и лежали в сумке. Разве что одежду на смену оттуда достали, увязав то, что сняли с бесчувственного, в отдельный узел. С ним, кстати, тоже надо было разобраться.

Гуннар развернул полотно на столе, и, присвистнув, выругался. Отличная бригандина с тройным нахлестом, которую не каждый меч пробьет, не годилась больше совершенно ни на что. Подол не просто оторвался от верха, с пояса словно выжгли – или выплавили – полосу. Ткань по краям обветшала и побурела, как опаленная, рассыпаясь от прикосновения. Пластины и клепки покорежились, поменяли цвет, словно на них плеснули крепким купоросным маслом. Повезло, что сам жив, и, похоже, тех троих, что с ним были, Гуннару до конца жизни поить. И за то, что оттуда уволок, и за то, что потом помереть не дали. А доспех добыть можно, так что нечего Творца гневить, призывая на головы тех тварей кары небесные, тем более, что у них и голов-то нет.

Лучше в храм зайти да благодарственную молитву заказать, за то что отделался лишь тратами. Даже если и обернулся этот поход сущим убытком. За путь в один конец наниматель расплатился сполна, а вот обратная дорога с другим купцом... Задаток он требовать обратно не стал и даже немного сверху приплатил. Как ни крути, жив остался и, по слухам, вернувшись – а жадность быстро пересилила страх – обнаружил почти все свое добро нетронутым. Чистильщики на чужое не позарились, да и к чему им, если подумать, заморские шелка? Но все же получилось намного меньше оговоренного, и спорить не годилось. А чем наемник будет за новый доспех расплачиваться – не нанимателя забота.

Гуннар мельком подумал: был бы одаренным, оказалось

б сейчас одной заботой меньше – те не носили доспехи, говорили, железо, даже обычное, плести мешает, хоть и не настолько сильно, как небесное. Да только если твари с доброй броней такое сделали, что бы от незащищенного тела осталось? Нет уж, хорошо, что вышло, как вышло.

Бронник, увидев то, что осталось от бригадины, на миг забыл все ругательства. Только и спросил, чем это так. Хмыкнул недоверчиво, узнав про тварей. Гуннар убеждать не стал, каждому доказывать, что не приврал, только зря язык отбалтывать. Кто знает Гуннара – тот знает, что он хвастать не приучен, а до остальных дела нет. Услышав, сколько времени займет починка, Гуннар скривился, но выбирать не приходилось. Благо кольчуга осталась. Он вернул на пояс изрядно полегчавший кошель, и решил, что стоит повидать Руни.

В походы начальник стражи больше не выбирался, но работу время от времени подбрасывал: иногда горожане просили стражу найти обидчика и примерно наказать, естественно, не задаром. Чаще всего для этого хватало усилий самих стражников: как-никак караулили они обычно те улицы, на которых сами выросли и жили, потому не составляло особого труда узнать, кто стащил белье с веревки или курицу с наеста: Белокамень не столица, где дома теснились на улицах, а люди жили едва ли не друг у друга на головах, он раскинулся вольготно, многие и скотину держали.

Но порой обращались и другие: те, кто знал своего обид-

чика, но к судье пойти не мог или не хотел. И то сказать: обвини простолюдин вроде самого Гуннара кого-то из благородных, тот лишь поклянется перед всеми, что чист, аки слеза – и сам обвинивший батогов и получит. Одаренного хоть на поединок вызвать можно, пусть исход того поединка изначально ясен, если небесное железо в расчет не брать, а откуда оно у обычного меча, не говоря уж о горожанине. Вот и шли: кто – к людям вроде Вигдис, а кто и к Руни, не зная или не желая знать, что нередко работа уходила к тем же, кому ее отдала бы и Вигдис.

С Руни нужно было поговорить непременно. Но прежде самое неприятное – зайти к родичам погибших соратников. Они не были друзьями, скорее много раз проверенными в деле товарищами, и с семьями их Гуннар особо не знался, так, здоровались. Наверное, и навещать их необязательно было. Тем более, что когда настанет его черед, приходить с соболезнованиями будет не к кому: о матери Гуннар не знал ничего со времени того последнего письма, прочтя которое, он сбежал из пансионата и поклялся никогда в жизни не возвращаться домой. И все же не заглянуть и не спросить, нужно ли чего, было как-то... не по-человечески, что ли.

Жена Фридмунда, Маргрит, открыла сама. Будь она благородной, не показалась бы: овдовев, знатные женщины должны были две недели провести, не поднимаясь с постели. Пришлось бы оставлять письмо со всеми полагающимися-

ся случаю словами, и, наверное, это было бы проще. Но для простолюдинки проваляться две недели в постели – непозволительная роскошь, к тому же едва ли Маргрит была обучена грамоте.

Платок замужней женщины она уже сняла, вдовье покрывало пока не надела: время не пришло, еще неделя оставалась. С остриженными в знак траура по мужу косами, одетая в серую некрашеную – тоже траурную – рваную холстину, женщина походила бы на нищенку или тяжело больную, кабы не была такой дородной.

Купцы городского совета мерились друг перед другом, у кого толще жена и домашний кот, остальные – кто мог – старались не отставать. Гуннар припомнил, с какой снисходительной жалостью Маргрит смотрела на тонкую и на вид хрупкую Вигдис. Поклонился, как подобает, высказал соболезнования в приличествующих выражениях. Все-таки хорошо, что они почти незнакомы: можно спрятаться за этикетом, давно и прочно затверженными фразами и не подбирать слова. Доблестный воин, отличный товарищ, большая потеря, навсегда в памяти... а что, кроме этого, Фридмунд был не дурак выпить, сквернослов и чревоугодник, вспоминать неприлично.

И что самого от этих гладко слетающих с языка фраз тошнит, никого не касается. Женщина удовлетворенно кивала. Гуннар припомнил, что Фридмунд как-то, рассказывая о тех временах, когда за ней ухаживал, отдельно упомянул, что

«говорил красиво, по-писаному, а она млела, парни посадские особо-то слов не выбирали». Ответные фразы звучали не так гладко – но видно было, что Маргрит старательно их заучивала. Приличия прежде всего, а что там на самом деле на уме, никому не интересно. Впрочем, предлагая обращаться за помощью, если понадобится, Гуннар был искренен. Только вряд ли понадобится. Семья у нее наверняка большая, братья-сваты помогут, если что. Это одаренные да выродки, вроде самого Гуннар, все одиночки. Распрощались так же вежливо и без приязни. И не прийти было не по-человечески, и все равно не по-людски вышло.

У Зигмунда долго не открывали, Гуннар уже почти решил уходить, когда за дверью все же раздались шаги. Седая женщина вопросительно на него посмотрела, поклонилась, приветствуя, но в дом, как должно бы, не позвала. Оставила переминаться на пороге на виду у всей улицы. Гуннар поклонился в ответ.

– Примите мои соболезнования. Мы с Зигмундом, пусть Творец примет его душу, сражались вместе. Если нужна какая-то помощь...

– Ты не одаренный, – перебила она.

Значит, остальные у нее уже были. Все втроем?

– Нет.

– Тогда почему ты жив, а мой сын – нет?

Глава 5

Гуннар не отвел взгляд.

– Не знаю.

– Если эти, с даром, способны спасти кого-то, кроме себя, почему спасенным оказался ты?

– Мне правда очень жаль, но его нельзя было...

– Мне рассказали, – снова перебила она.

Интересно, у кого из троих хватило духа рассказать матери, как именно погиб ее сын? Ингрид, наверное. Все-таки она была старше и хладнокровнее остальных. Или очень хорошо умела скрывать настоящие чувства.

– Вы – вы все, стояли и смотрели, как его убивают.

Гуннар покачал головой. Некогда там было стоять и смотреть. Наверное, если бы клинков из небесного железа оказалось больше, смогли бы успеть... Нет. Не успели бы. А плетение просто рассыпалось. Отдельные капли получалось жечь невозбранно, но то, что собралось, разрушало плетение не хуже небесного железа. Так сказала Вигдис, и у Гуннара не было причин ей не верить. Только что проку в этом знании женщине, потерявшей единственного сына?

Он поклонился – низко, до самой земли, безмолвно прося прощения за то, в чем его вины не было вовсе. Развернулся и зашагал прочь, чувствуя спиной неотрывный взгляд.

Очень хотелось напиться, но разве это когда-нибудь мог-

ло кого-то вернуть? Гуннар мотнул головой и направился к Руни – глядишь, удастся отвлечься неотложными делами.

На стук дверь открыл слуга, с поклоном провел в дом. С лавки у окна, отложив пяльцы, поднялась Сив, женщина Руни. Лет на пять младше Гуннара, а приятеля, значит, на добрые десять. Поклонилась:

– Прошу за стол. Руни сейчас выйдет.

– Не утруждайтесь, – поклонился он в ответ. – Я не голоден.

Желудок, словно протестуя, заурчал – на самом деле Гуннар с утра не ел, а в доме одуряюще пахло пирогами. Девушка улыбнулась:

– Позвольте вам не поверить.

Она жестом указала на лавку, пришлось подчиниться. Приятель, появившись из соседней комнаты, кивнул вместо приветствия, сел напротив.

– Ешь давай, и не отнекивайся. Отощал, в чем душа держится. Хотя после такого немудрено.

Значит, не почудилось тогда, в самом деле приходил.

– Были бы кости, мясо нарастет.

Зато Руни, некогда худой и узколиций, за последние полгода, что они толком не виделись, раздался в поясе, да и в щеках, хотя дородным его и сейчас назвать было трудно. Ничего, на таких пирогах скоро гладким станет.

Гуннар отодвинул тарелку, поняв, что больше в него не влезет ни кусочка, а жаль. Хозяйка сноровисто собрала со

стола, вернулась к пальясам. Сев, помедлила, положив руку на живот и глядя куда-то словно внутрь себя. Надо же... Хотя когда он ее в дом взял, года полтора как?

– Вот теперь рассказывай, зачем пришел, – сказал Руни. – И не говори, будто просто мимо проходил или только проведать решил.

– Не буду, – усмехнулся Гуннар.

Руни глянул в сторону девушки, шевельнул бровью, та послушно снова отложила палцы.

– Не стоит, – Чего ее гонять, в самом деле, пусть себе вышивает. – Скрывать мне нечего. Дела не найдется?

– Не слишком торопишься? Может, отдохнешь сперва?

– Больше недели отдыхал, уже бока болят.

– Оно и видно, что отдыхал, – фыркнул Руни. – Зайди к Эрику. У него дело есть, хотя заработать едва ли удастся.

Гуннар удивился: у Эрика он был не далее как утром, и тот ничего не сказал.

– При Вигдис, видимо, не хотел, – правильно истолковал его выражение лица Руни.

– А она-то тут при чем?

Руни снова посмотрел на Сив, и та молча вышла из комнаты.

– Мы подумали, что будет неправильно, если ее вышвырнут из собственного дома, – сказал он. – Эрик придумал способ добыть деньги, и для этого ему нужен ты. В детали я вдаваться не стал: меньше знаешь – меньше можешь разболтать.

Да и вообще...

Несмотря на то, что от их команды Руни отдалился, на поминки по матери Вигдис он пришел. Но, подойдя высказать соболезнования, услышал в ответ, мол, если бы его подчиненные делали свою работу, соболезновать бы не пришлось. Ни оправдываться, ни спорить он не стал, молча развернулся и покинул дом.

– Но обиды обидами, а справедливость справедливостью. Я в деле, – продолжал он.

– Выкупить с торгов? Она откажется.

Потому что Гуннар – единственный среди них, кто сможет владеть этим домом. И значит, Вигдис станет полностью от него зависеть. Захочет – оставит, захочет – прогонит. Нет, он никогда бы с ней так не обошелся, даже рассорившись вдрызг и если остальные вдруг не стали бы вмешиваться. Но и зная, что у него будет возможность так поступить, довольно. Сам Гуннар на ее месте тоже не согласился бы.

– Не совсем. С торгов мы не выкупим и впятером: кое-кто из совета давно приглядел себе этот особняк. Даже приходил к Вигдис, предлагал освободить дом немедленно, забрав все, что считает нужным. За приличную плату.

– Я не знал.

Интересно, чего еще не знает он, но знают остальные? У одаренных свои секреты?

– Ты тогда был слишком занят, пытаясь удержаться на этом свете, – сказал Руни. – Хотя, наверное, и не должен

был знать. Вигдис никому не рассказывала, насколько мне известно. Но тот человек пришел ко мне с просьбой посодействовать... убедить ее стать поговорчивей.

– И?

– Обижает, – фыркнул Руни.

– Виноват.

Тот кивнул, дескать, забыли.

– Так что торги нам не выиграть. А даже если и выиграем, оформлять собственность придется на тебя... на что Вигдис не согласится, и я ее понимаю.

– Я тоже.

– Поэтому я покопался в церковных книгах. У деда Вигдис по матери был младший брат, который пропал после битвы у Елани...

Про ту битву до сих пор песни поют. Чаще такие что, послушав их, самому удавиться хочется. Но...

– Наследник?

– Который сам приехать не может, потому что раны, полученные в той битве, дают о себе знать. Возраст, знаешь ли. – Руни ухмыльнулся. – Ему сейчас должно быть чуть за шестьдесят.

Для одаренного – не возраст. Для крестьянина – глубокая дряхлость. Остальным – как повезет. Старые раны и бурная жизнь вполне могут превратить человека в развалину.

– Зато он готов вступить в права наследования заочно и, поскольку пользоваться наследством не сможет, сдать дом

внаем до конца жизни нанимателя, с единственным условием: тот выплатит всю сумму единовременно.

Занятно. Впрочем, странно было бы всерьез верить, что неглупые люди, способные менять плетение мира по собственной прихоти, не найдут, как обойти запрет владеть и наследовать. Наверняка и другие способы есть, про которые «пустым» знать незачем. Значит, нужны свидетельства троих соседей, заверенные двумя писцами. Еще хорошо, чтобы нашелся кто-то, кто мог бы подтвердить, что битву при Елани тот родич Вигдис пережил, а почему домой не явился... да мало ли причин, может, не хотел родне показываться со шрамом на полморды или хромым, после удара по голове и не так переклинивает порой. И желательно свидетельство двух писцов из Белокамня, что все документы оформлены по правилам. Еще представитель...

– Ты людей нашел?

– Да. С меня – документы и свидетели. С вас – деньги. Если ты в деле.

– В деле.

Мало ли что они с Вигдис только что поссорились. Как поссорились, так и помирятся. А если и нет – Вигдис вместе с остальными его от престола Творца оттащила, так что...

– Сколько с нас троих?

Руни назвал сумму. Гуннар присвистнул. Потом припомнил, почем в последний раз ушел с торгов выморочный особняк в соседнем квартале – и это после холеры, когда таких

домов было немало! Сравнил с тем, что просят сейчас за подложные документы на дом, где жила Вигдис... Пожалуй, дело действительно того стоит. Но даже если на троих... Гуннар припомнил, сколько его денег лежит на хранении у ювелира. Должно хватить, и немного останется. Пусть. Серебро в могилу не унесешь.

– И как вы эти деньги добудете, я не знаю и не желаю знать, – добавил Руни. – У Эрика была мысль, сходишь, поговоришь.

Глянув на солнце, Гуннар решил, что идти в лечебницу нет смысла. Как раз наступало время, когда, утомившись после проведенного в заботах дня, люди разбредались, кто – по домам, а кто – по харчевням. Готовить целитель не любил, говорил, в походах наготовился, Ингрид тоже не рвалась возиться у очага, так что наверняка оба сейчас в «Шибенице». Вот там можно и обсудить все как следует.

С порога в нос ударил густой запах съестного: казалось, воздух в трактире можно мазать на хлеб или черпать ложками. Пока в мелко зарешеченные окна проходило достаточно света, но и вечером, и поздней ночью здесь не бывало вони прогорклого жира свечей или копоти факелов. Хватало светлячков, которые зажигали одаренные. Гуннар приветственно кивнул Бьёрну, хозяину, огляделся.

Народа, как всегда, было полно, и большую часть посетителей Гуннар знал если не по именам, то в лицо. Вон сдвинули два больших стола восемь... нет, сегодня семеро из от-

ряда Скегги Рыжего. Четыре одаренных, если считать самого Скегги, которого почему-то не видно. Четыре меча, младшие сыновья благородных, из тех, кому ни титула, ни земли не достанется, если старшие братья к Творцу не отправятся прежде родителей. На поклон Гуннара они ответили ответным поклоном и снова сдвинули головы, переговариваясь. Плетение, защищающее от чужих ушей, впрочем, не накинули, значит, не о деле. Какие-то пришибленные они сегодня, не шумят, как обычно, подавальщиц за задницы не хватают.

А вон за тем столом у окна, как всегда, отряд Сигрун. Два парня, две девушки, все одаренные. Поговаривали, водились за ними темные делишки, Руни ворчал, но доказательств не находил. Гуннар себя образцом добродетели и нравственности не считал, но на всякий случай давно присмотрелся ко всем четверым: где живут, куда ходят. Если доведется на кого-то из них охотиться, придется туго: живут вместе и на улице редко поодиночке появляются. Впрочем, когда доведется, тогда Гуннар и будет думать. Им он кланяться не стал: эта компания «пустых» за людей не считала.

Он зашагал к столу, который заняли сидели Ингрид и Эрик, по дороге перекинулся парой слов с отрядом мечей – хорошие ребята, наслышан, хотя вместе ходить не приходилось. Обменялся поклонами еще с полудюжиной парней, сидевших в глубине зала. Вигдис не было, может, и к лучшему.

Он взял у подавальщицы пива, после визита к Руни еду впихнуть было некуда, и приготовился слушать.

Эрик тянуть не стал. Стихли все звуки под укрывшим стол плетением, и целитель бесцеремонно поинтересовался:

– Как у тебя с деньгами?

– Не жалуюсь. Но Руни сказал, сколько надо, и столько...

– Столько с тебя никто и не спросит. Но дело не только в золоте. – целитель помолчал. – Нужно будет съездить кое-куда. Я собирался сам, но роженица...

– Без тебя не разродится? – удивился Гуннар. – Вроде невелико дело.

– В прошлом году ее муж думал так же. – Эрик невесело усмехнулся. – Меня позвали на исходе вторых суток. Ребенка пришлось расчленить в утробе, чтобы спасти женщину.

Он покачал головой.

– И говорил же я ему, не подходи к ней хотя бы год, дай оправиться. Нет, как же без супружеского долга... Словом, сейчас она носит двойню. До срока еще месяц, никогда не угадаешь. На Иде я бы ее оставил, но с Иде нехорошо вышло... – Он махнул рукой. – Так что я из города отлучиться не могу, а время идет. Поэтому придется тебе.

– Придется что?

– Вместе с Ингрид обернуться в Петелию. Жемчуг и яхонты. Беспощадно.

Гуннар медленно вернул на место отвисшую челюсть. Жемчуг – не мелкий речной бисер, а отборные кругляши – вез в том давнем походе из дальних стран его степенство Колльбейн. Еще лазоревый камень, порошок из которо-

го здесь, в Белокамне обменивали на золото по весу. Правильно измельчить его так, чтобы сохранился цвет, умели лишь за морем.

В новом храме, что закончили строить в прошлом году на месте сгоревшего, деревянного, краской, замешанной на лазоровом камне, выписали одеяния Творца, и еще сколько-то добавили в стекло, чтобы выложить разноцветными узорами окна. Яхонты купец в тот раз не привез, хотя, по слухам, ходил и за ними.

До Петелии два года в один конец. И уж точно невозможно проделать этот путь вдвоем, даже если учесть, что Ингрид владела мечом лучше Гуннара, хоть и одаренная.

– Как ты себе это представляешь?

– Есть способ, – сказала Ингрид. – Расскажу, когда дойдет до дела. Врать не буду, опасный. Очень опасный.

– Проверенный?

Одно дело рисковать ради того, что когда-то по слухам у кого-то вышло, а на деле так и осталось бестолковой задумкой. Совсем другое – точно зная, что предприятие осуществимо.

– А как, по-твоему, я добыл деньги на лечебницу? – ухмыльнулся Эрик. Вдохнул: – Говорю же, сам бы пошел, но время не терпит.

– Вигдис знает? – поинтересовался Гуннар.

– Нет. И я не хочу говорить ей, пока не получится. Хуже нет получить надежду и снова ее потерять.

– Настолько опасно?

– Можем не вернуться, – сказала Ингрид.

– Но дело не только в этом, – вмешался Эрик. – Может не хватить серебра после перепродажи, можем погореть на контрабанде, может еще много чего случиться. Поэтому Вигдис знать не стоит до поры. Возьмешься? Одну я Ингрид не отпущу.

По крайней мере один раз у него получилось. Будь все просто, Эрик не говорил бы про надежды, которые могут не сбыться. С другой стороны, если бы опасность была по-настоящему велика, едва ли он стал бы бестрепетно рисковать жизнью своей женщины ради дорогого подарка подруге. Хотя, будь Гуннар склонен к беспочвенным подозрениям, подумал бы, что Эрик хочет разом избавиться и от него, и от Ингрид, может быть, даже сговорившись с самой Вигдис.

– Ты готова рискнуть головой ради чужого дома? – спросил он.

– Как будто ты не рискуешь постоянно головой ради чужих товаров, – усмехнулась она.

– Ради серебра, которое будет моим, – хмыкнул Гуннар. – Но разница невелика, признаю.

Он подумал еще.

– Если можно обернуться в Петелию за месяц, или сколько там, почему купцы так не делают?

– Быстрее, – сказал Эрик. – Но, во-первых, пройти могут не больше четверых, и обоз с товарами так не протащишь.

Во-вторых, об этом способе знают очень немногие. В третьих – опасно, говорят же тебе. Если Ингрид не удержит плетения – умрете. Или навсегда потеряетесь между мирами.

Вот как... Гуннару очень хотелось расспросить, что значит «между мирами» и как Ингрид и Эрик попали в число тех немногих. Но захотели бы – сами бы рассказали, а потому незачем вынуждать друзей врать и изворачиваться. Впрочем...

– В Белокамень вы меня так же протащили? День пути оставался.

Оба кивнули.

– Что ж, спасибо за доверие, – сказал Гуннар. – Что нужно сделать?

В конце концов, вечно живым в этом мире еще никто не остался.

– Олаву Щедрому нужны сопровождающие до Лиственя, – сказала Ингрид. – Без обоза, поэтому только двое. Дар и меч.

– Олава всегда сопровождал Скегги, – удивился Гуннар.

Едва ли парни сами не смогли бы разобраться, кому из них ехать с купцом в этот раз.

– Скегги пропал. Ночью того дня, когда тебя ранили. – Ингрид помолчалв. – Олав не знает, кому доверять, и поэтому не хочет иметь дело и с остальными. И к Вигдис он не пошел, потому что ее в тот вечер видели с ними.

– А тебе он доверяет?

– Он доверяет начальнику стражи. А для нас это предложение уехать из города. В Листвене простимся, у него там дела и куча родни. Вернется, я думаю с караваном. А мы – в Петелию. Согласен?

– Да. Только что бы ты делала, если бы я отказался?

– Попросила бы Вигдис посоветовать надежный меч, в Листвене нашли бы, к кому прибиться, и вернулась.

– А если бы она посоветовала меня?

– Тебя? – Эрик расхохотался. – Да она взбесится, когда узнает.

Ингрид отправила купцу записку с уличным мальчишкой. Договоренность была, что второго охранника она представит завтра, но если купец не врал, что пропажа подручного пугала ему все планы, может, и примет в тот же день.

Глава 6

Олав выглядел так, как и должен выглядеть почтенный купец – круглолицый, с окладистой бородой, дородный, но не настолько, чтобы лошадь не выдержала. И видно было, что постоять за себя умеет, впрочем, других среди торговых людей не водилось. Долго расспрашивать, что за люди, купец не стал: дескать, начальник стражи рекомендовал, и один из его деловых знакомцев о Гуннаре хорошо отзывался.

Знакомца того Гуннар хорошо помнил. Угроздило его младшенького приударить за девчонкой, которая глянулась одаренному. Вообще-то в том, чтобы подкараулить соперника и не слишком вежливо попросить держаться от девицы подальше, не было ничего особенного, Гуннару доводилось бывать и на той, и на другой стороне, и не всегда удачно. Но в этот раз сошлись отрок и одаренный, лет десять как перстень носивший. Что там на самом деле произошло, рассказать было некому. То ли парень, за всю жизнь слова поперек не слышавший, заартачился. То ли одаренный хотел рожицу смазливую подпортить, заодно припугнув, да не рассчитал. То ли изначально хотел от соперника избавиться насовсем, попутно девчонке намекнув, мол, не ломайся, тем же кончится. Только осталась от купеческого сына головешка. И, как водится, все знали, да помалкивали. Родители девчонки сразу сказали, мол, жаль молодца, да его не вернешь. Начнут

имия дочери в суде полоскать – и всю жизнь в девках просидит, а у нее еще три сестры младшие; и просто уехали из города к дальней родне погостить, пока гостится. Может, на месяц, а, может, и на год. Тот одаренный тоже уехал, не особо скрываясь. Узнав об этом, безутешный отец пошел к Руни, а тот отослал его к Гуннару. Теперь, вот, хорошо отзывался...

Договорились быстро. Выезжают завтра, на рассвете – Гуннар мысленно поморщился, предвкушая очередное недоброе утро – как только откроют ворота. Лошади купца остаются с ним в Листвене, как возвращаться домой – забота самих наемников. Втроем, больше никого. Если Олав не будет болтать на каждом углу, куда собирается, когда и зачем, поездка может вовсе обойтись без происшествий. Трое оружных – добыча не самая легкая, а стоит ли овчинка выделки, загодя и не скажешь, так что лихие люди могут поостеречься.

Значит, в остаток дня придется побегать. Забрать золото, которое Гуннар хранил у ювелира, опасаясь воров. Предупредить Вигдис. Выдержать ссору. Потому что Эрик был прав – она взбесится. Как взбеленился бы он сам, узнав, что она сорвалась в поход без него.

Ингвар, ювелир, совсем не походил на сухого сморчка, чахнувшего над золотом, как обычно описывают людей его занятия. Дородный, улыбчивый и многословный мастер встретил Гуннара, словно дорогого гостя. Провел в отдельную

комнатушку, как поступал с постоянными покупателями и теми, кто хранил у него золото и серебро. И в самом деле, почему бы за малую долю не воспользоваться тем, что у ювелира уже есть и хорошие замки, и собаки во дворе, и даже сторожа-одаренные. Руни, увидев их, хмыкнул – мол, работа для ленивца: умные грабить мастера не полезут, тот наверняка со всеми нужными людьми давно договорился, а дуrolомы дальше замков не пройдут. Но если охота Ингвару деньги выбрасывать на такого сторожа – дело хозяйское.

Руни и привел Гуннара к мастеру в первый раз. Одаренный до десяти лет рос на улицах Белокамня. Из приюта при монастыре, куда его, просившего милостыню на улице, определил какой-то сердобольный стражник, сбежал через полгода. Мол, лучше голодному ходить, зато никто не заставляет с утра до ночи плести корзины или прибираться в кельях, а потом до утра стоять на коленях, наказанным за недостаточное усердие.

К десяти годам Руни мастерски умел срезать кошельки за точенной монеткой, пролезать в дымоходы и удирать от стражи. А заодно знал почти весь Белокамень, несмотря на то, что в «чужом» районе рисковал получить серьезную трепку.

Поняв, что перевившие мир разноцветные нити не морок и не признак безумия, Руни отправился в университет, где учили одаренных никому ничего не сказав. Университет платил хорошие деньги за каждого ребенка, у которого обнаружился дар. И Руни решил, что нечего отдавать их взрос-

лым, которые его «охраняли» – в конце концов, харчи и защиту он отрабатывал каждый день. Путь до столицы занял пять месяцев, но он его одолел. Чтобы, отучившись, вернуться туда, где родился. Отправился с купцом в поход, где все они могли бы сложить головы, но повезло, озолотились. И когда Гуннар спросил, не знает ли тот, у кого можно сберечь деньги, присоветовал Ингвара.

Ингвар при первой встрече, глянув на цепочку в вырезе ворота Гуннара, покачал головой. приветствий и традиционной беседы, предваряющей деловой разговор, попросив подождать, исчез за дверью по ту сторону прилавка и через несколько минут вернулся с мечом, сказав, мол, он не оружейный мастер, но такое оружие в Белокамне бывает только у него, слишком уж дорогая вещь. Руни изумленно приподнял бровь – меч выглядел ничем не примечательным: хват в полторы руки, широкая крестовина, металлическая же рукоять, всей отделки – резьба на навершии да узор из пересекающихся линий вдоль клинка.

Гуннар изумленно застыл, увидев этот узор, а потом едва не лишился дара речи, услышав цену. Руни удивился уже вслух, Гуннар, ехидно улыбнувшись, сказал, что одаренному не понять, и вообще трогать не стоит. Естественно, Руни потянулся проверить и потом долго и витиевато ругался, отдернув руку, словно схватился за раскаленный уголь – а сам Гуннар едва смог удержать на лице серьезное выражение. Правда, насчет «только у него», Ингвар sluкавил – был

в Белокамне еще один ювелир, работавший с небесным железом, в другом конце города. Но Гуннар за это зла на мастера не таил – каждый хитрит, как может.

Узнав, по какому делу пришел гость, мастер едва заметно помрачнел, но выспрашивать и отговаривать не стал. Пробежал глазами расписки за отданное на хранение серебро, спросил, как Гуннар хочет получить деньги: серебром, золотом или камнями. У него есть смарагды чистейшей воды, или вот синие топазы, в точь-то как глаза той госпожи, которой дорогой гость порой покупает украшения...

Гуннар нахмурился: он действительно несколько раз покупал у Ингвара подарки для Вигдис, но никогда не появлялся вместе с ней.

– Та госпожа, что приходила за вашим амулетом, – ювелир указал взглядом на цепочку в вороте. – На ней были колты, августит в серебре. Свою работу я всегда узнаю, и кому продавал, тоже помню.

Ах, вот в чем дело. И в самом деле, к Ингвару от дома Вигдис ближе всего, а она же относила амулет в починку. Еще пришлось заменить безнадежно испорченную застежку. А колты Гуннар действительно покупал, синие августиты. Он не поскупился бы и на золото, но Ингвар уверял, что такие камни лучше смотрятся в серебре. Но как некстати эта догадливость! Впрочем, мастер никогда не обсуждал дела других покупателей, вообще не упоминал о них, будто Гуннар был единственным. Так что и его дела обсуждать не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.